

Миша Том Лев

ВЧЕРАШНИЙ
ВЕЧЕР

УТРО

ДЕНЬ

О Д Н А Ш Е С Т А Я

Миша Том Лев

Вчерашний вечер, утро, день

«Издательские решения»

Миша Том Лев

Вчерашний вечер, утро, день / Миша Том Лев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512406-7

Книга Миши Том Лева отличается собственным видением мира — прошлого, будущего, настоящего. Наблюдательность, выразительные детали, емкий язык — вот неполный перечень ее достоинств. Эта книга, уводящая нас в прошлое, будет интересна всем — и тем, кто вырос в советской стране, и тем, кто ее никогда не видел. Повествование выдержано в интеллигентной манере, а лаконичность и простота языка придают книге неповторимый колорит. Э. Ракитская, член Союзов писателей Израиля и Москвы.

ISBN 978-5-00-512406-7

© Миша Том Лев
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	7
Вчерашний вечер	7
Утро	12
День	14
Больница им. Среднего уха	15
День рождения	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вчерашний вечер, утро, день

Миша Том Лев

Дизайнер обложки Тося Ялонецкая
Фотограф Илья Бирфер

© Миша Том Лев, 2020

© Тося Ялонецкая, дизайн обложки, 2020

© Илья Бирфер, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-2406-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Миша Том Лев

Часть 1

Вчерашний вечер

За окном туман. Моросит. Выходной день. Гуляй не хочу. «Не хочу», – подумал Николай Иванович, продолжая набивать папиросные гильзы трофейным табаком.

Черная тарелка радио, вереща, доносила до народного уха интервью с модным писателем Виктором Степановичем Лапшиным. Востребован. Тираж – «классики ворочаются». Опять же в школе в разделе «Современная литература» собираются... Больше, чем популярен, – пропагандируем и любим.

Серьезная литература знает, как объяснить прошлое. Она же еще лучше знает, как расставить акценты настоящего и обрисовать будущее светло-оптимистичными красками на идейно-выдержанном розовом фоне.

– Что? Есть подтеки? Пузырится? Замалюем! Кисти в наших руках!

– Вперед, к победе!.. (Это уже не мое картавое – Виктор Степанович выкрикнул.)

Конечно, в заключение – так положено. Вначале же осветил сложное международное положение, непростую внутреннюю ситуацию. Коснулся роли искусства, и, в частности, литературы. Был конкретен. Смело перечислил тех, с кем нам не по пути. Дал отпор врагам и их прихвостням. Сказал много правильных и понятных слов. Убедил народ, точнее, уйму народа убедил. А потом выкрикнул вот это: «Вперед, к победе!..» Немного громко получилось, но поставил точку (в смысле восклицательный знак).

У Николая Ивановича от этого тарелка рухнула. На проводе повисла и раскачивалась под бравурный марш, венчавший все предыдущее-сказанное, не лишь бы, уж поверьте – в порыве.

Когда дело дошло до барабанов и тарелок, они так припечатали, что наша (ой, чего это я?), Николая Ивановича, тарелка опять рухнула, на сей раз окончательно освободившись от проводов. А он умелец. Сообразил. Водрузил все на место, подключил... Вот тут-то и произошло. Что, как – объяснить не берусь. Казалось, два провода – хоть так подцепляй, хоть эдак, – будет работать. Работает. Но что несет, зараза? Видимо, при падении голову сотрясла, не Николая Ивановича же? Ему, правда, по темечку немного досталось, но ни в какое сравнение! Это она свихнулась и выдает голосом уважаемого-знаменитого Виктора Степановича чушь бессмысленную. Сказать невозможно, но вам по секрету. Только тс-с-с! Все перевернулось! Виктор Степанович обхаял и дорогу светлую, и устремления наши. А этих, им самим же обделанных писак, возвеличил, только что на постамент классический не водрузил. Правда, в заключение опять выкрикнул. Громко, с былой прытью: «Вперед, к победе!» Стесняюсь вам сказать чего. Видать, послышалось. Снова обрушил тарелку на голову мирного гражданина, набивающего папиросные гильзы.

Тут Николай Иванович не удержался, ответил на этот акт вандализма. Словами правильными, внятыми и однозначно-отображающими. Повторить не берусь, духа не хватает, но, поверьте, достойно, лихо ответил. Повесил тарелку на место. Подкрепил гвоздем потолще, и заговорила она, как прежде, почетче даже. Правильные вещи заговорила. Второе падение все на места свои поставило, выправило. Дослушал Николай Иванович, куда все-таки «вперед», успокоился. Закончил набивать гильзы. Приоделся да и вышел на общую кухню в своих новых сиреневых кальсонах. Представительно получилось, захватывающе. Тем более что там, на кухне, как бы крутясь по делам, поджидала его Марья Ивановна, тоже нарядная, в комбинации.

– Марья Ивановна, вы когда-нибудь бывали на Луне?.. – начал приставать Николай Иванович. – Не обижайтесь, я не хотел, наоборот. Предлагаю: давайте раз в неделю совершать полеты на Луну... Почему «пошляк»? Я романтик. Это другое.

От возбуждения комбинация Марьи Ивановны стала совсем прозрачная. Грудь упруго выпрямилась, соски заострились как маленькие гвоздики. Уколоться можно, если рискнуть. Посуда, подвешенная на стене, начала подрагивать, издавая звуки, отдаленно напоминающие бой курантов. Краска, и так местами облупившаяся, посыпалась прямо на глазах. Нет, не мистика. Резко подскочила напряженность малоизученного поля любовного желания. Понять можно: вторая молодость, яростно бурлящая кровь, сиреневый цвет, Луна, «гвоздики». Неяркое освещение молодило и «подвигало». Можно понять. Только стой! Поберегись!

Жена Николая Ивановича выскочила на кухню. Практически голая. Бигуди и сандалии дедушкины на босу ногу.

О-па! Все!

Марья Ивановна покраснела, однако успела ехидно заметить:

– Вам не жарко, Бронислава Борисовна? Животное напугать не боитесь?

Николай Иванович приподнял брови и опустил руки, как бы прикрываясь.

– Да не вас, доклеточное, успокойтесь.

Действительно, кот Матарфей выгнул спину в вопросе и готовности.

– Ха! – отпарировала Бронислава Борисовна. – Это с вашей фигурой желательно в шубе или очень издалека, чтоб не напугать. А ты, козел, чего на кухню в выходных кальсонах выпендрился? Запачкать хочешь? Донжуан профилезадый!

Ушла, гордо вращая талией и двумя полушариями – «восточным» и «западным».

Коляничек без команды, в оправдательно-заискивающем порыве, – за ней, всегда желанной, но не всегда достаточной, не всегда ласковой.

Машины груди в возмущении, смущении и неудовлетворении буквально предприняли попытку выпрыгнуть вместе с душой и желанием наружу, напугав все-таки кота Матарфея. Он сиганул с подоконника и замкнул шествие удаляющейся четы.

Три чувства одновременно прожгли все существо Марьи Ивановны, перейдя в физическую боль: обида, ревность и зависть. Три деструктивных чувства заполнили душу, разрушая доброе и светлое отношение к жизни, к людям и, вот видите, к животным тоже.

Ушла к себе в комнату. Представляете, со всем этим. Одна. Одинока. Нелюбима. Только дверь прикрыла, такое началось... Аж на первом этаже окна прослезились – то ли от сырости, то ли от волнения...

Вообще-то здесь, на первом, все по-другому – порядок. Столик к столику, тазик к тазу. Ни краска себе не позволяет осыпаться, ни кот спину не гнет – смирный. Вывешен не только список дежурств, но и небольшая стенная газета – так, для освещения, чтобы с пути не сбиться. Коридор-то длинный (да и жизнь не коротка), засмотришься – того и гляди зигзагу даст.

Ответственный по этажу – Игнат Григорьевич Цып. Табличка на его двери такая, что кабинет позавидует, официально.

Вдруг в это царство порядка и дисциплины, в тишину, ворвались звуки-сорняки, звуки-возмутители. Началось с грохота разбиваемой посуды, причем по нарастающей – от рюмочек и стаканов до тяжелых тарелок и прессованного хрусталя. Настоять на своем, выплеснуть наболевшее, заступиться за бедолагу правду, супруга на свое место поставить, чтобы, не дай бог, не спутал, не возомнил. Многих воспитательных целей можно достичь, круша ширпотребное стекло.

Только не забывай: фамильный сервиз и мамина ваза еще в полете окончательно разрубают супружеские узы. Как мечом – жиг! – все свободны.

Игнат Григорьевич тихонько встал с кровати, поправил одеяло и быстренько, по-военному, прыгнул в галифе. Как на коня. Подтяжки. Полуваденки. Одеколон внутрь, снаружи –

«пшик»! То ли «для» запаха, то ли «от». Готов. В коридоре простучал по всем дверям. Два коротких, один длинный. Договорной сигнал – форма одежды и время выхода... Сорок пять секунд натренированные. Место сбора – кухня. Ну не в сортире же! Кухня. «Кормилица рыдна», всегдашнее место сбора, сверкала чистотой и казарменной одухотворенностью.

Присели на свои единого типа табуреточки с табличками. Табличка и на каждом столике. О. К. (ответственный квартиросъемщик) – такой-то. Казалось, ерунда, чушь, загиб – наверное, однако вопрос по чистоте, порядку и принадлежности решен и «поднят на уровень». На высокий уровень. Правда, нищевато чуть-чуть. Так на богатство и не нацеливались.

Приверженность важнее.

Игнат Григорьевич – человек арифметически подкованный. Сходу уяснил – пришло четверо. Но для порядка, а еще точнее – во имя его, устроил переключку.

– Леонид!

– Здесь!

– Степан Израилевич!

– Присутствует.

– Юрок!

– Есть!

– А Никифоровна, что ж? Отстраняется от выполнения? – удивился Игнат Григорьевич, суровя бровь.

– Я проверю. Я мигом, – вскочил Юрок.

– Пока сидеть, – отруководил Игнат Григорьевич. – Анализ ситуации. Докладываю исходные данные и предполагаемые мероприятия. Жильцы небезызвестного второго этажа, пользуясь тем, что живут над нами, систематически учиняют психологически-шумовые эффекты, навязывая нам свой образ жизни, самое мягкое слово – беспорядочный. Мешают жить размеренно и добропорядочно, в соответствии. Круглю. Есть предложение покорить второй этаж и ввести его в состав первого, пока административно.

Наверху неожиданно прекратился бой ширпотребовского «антиквариата», и не успели участники собрания сообразить, насколько это позитивно, как постепенно нарастающий стук чего-то твердого о еще более твердое снизил уровень мечты о позитиве.

– Юрок, сейчас время. Срочно Никифоровну с аппаратурой!

Юрок рванул как на рекорд и установил его. Через пятьдесят три секунды Никифоровна приковывалась вместе со слуховым аппаратом дальнего радиуса действия.

– Докладывает Никифоровна! – объявил Игнат Григорьевич, пока та усаживалась на табурет.

– Да чего докладывать. Все то ж. Колька со своей тыдрой помирился. Посуду они отбили, насладились, устали. Сейчас он ее на кровати убажает. Слышь! Бум, бум – спинка о стенку.

Тем временем частота и амплитуда неуклонно нарастали. Никифоровна включила аппарат, что-то там подстроила и погрузила наушники в тазик. Техническая смекалка Никифоровны дала возможность услышать все и всем. Оказывается, стук сопровождали стоны, переходящие в выкрики.

– Давай! Давай же!

Им вторил-вопрошал мужской баритон.

– Даешь! Даешь же?!

Игнат Григорьевич заерзал на табурете. Леонид и Степан Израилевич сплотили ряды, чтобы вместе справиться с ситуацией. Юрок, подпрыгивал на самом краешке табуретки, пытался проглотить слюну, но она никак не сглатывалась, и в результате из его дурного чрева выпрыгивали дурные звуки сопереживания-соучастия. Одна Никифоровна казалась безучастной. Выполнив свою техническую миссию, сидела, закативши глаза, – воспоминания лелея. Постепенно эти подлые частоты и амплитуды набрали такой темп роста и величину,

что, слившись воедино со стонами-выкриками, переросли в какую-то какофонию животного мира. Тазик-усилитель чуть не скovyрнулся со столика. Игнат Григорьевич еле успел подхватить. Юрок даже не заметил, был весь там, в сопереживании действия. Все. Все закончилось вдруг. Слуховой аппарат изловчился и успел передать, как Николай Иванович закурил, встал с кровати, плюнул в окно и выпил пива из бутылки, но по указанию Игната Григорьевича был выключен. Собрание продолжило обсуждение плана по захвату и усмирению. Учитывая предыдущие неудачные попытки, был принят вариант под кодовым названием «Военная хитрость». Команда в полном составе должна была спрятаться, прижавшись к стене перед входной дверью. Подковыляет к ней одна Никифоровна. Позвонит. Когда спросят: «Кто? Чего надо?», скажет плаксивой версией своего старческого голоса: «Это я, Никифоровна с первого. У меня в комнате протечка образовалась, что делать – не знаю». Заохает, заохает. Колька, а кто ж еще, откроет, а мы все тут как тут. Навалимся...

Второй этаж. Николай Иванович закурил. Встал с кровати. Плюнул в окно. Выпил пива из бутылки. Опять вырядился в шикарные сиреневые кальсоны. Казалось, все, угомонись. Ложись тихонечко и спи после достойно исполненного супружеского долга. Так нет. Самолюбие приниженное и незажившая обида вывели его из темной комнаты к дверям Марии Ивановны. Постучал негромко. Она-то не спала, переживала, какое там, когда дом ходуном. Открыла, сама не понимая почему. Коля обнял с ходу и повалил на пол, рядом с кроватью. Как почувал дрожь ее тела, так и повалил. Не побоялся уколотся «гвоздиками». Все смёл. Продемонстрировал такую силу пола на полу, что Машенька только успевала издавать горловые стоны после каждой, нет, не точки, запятой, отделявшей пики в этом бесконечно длинном, непрерывно восхитительном предложении.

Звонок. Звонок в дверь. Совершенно неуместный звонок. Николай Иванович попытался не замечать и продолжать свое «племенное бычье» дело, но... звонить продолжали. Кураж ушел, хлопнув дверью, пардон (*франц.*), по заднице. Да и Бронислава Борисовна могла на звонок встрепенуться. Вскочил в настроении разобраться, уяснить, «кто посмел». Конечно, в его возбужденном сознании отображалось это словами менее пафосными. Наоборот, словами «подпольного диалекта», выходящими на поверхность в экстренных ситуациях. К примеру: молотком мимо гвоздя, по пальцам – бум! – слова эти не то что выходят из подполья – выскакивают. Он, Николай Иванович, надо отдать ему должное, слова и эмоцию притормозил. К двери подошел, заглянул в специальную потайную щелку. Увидел картину, гениально спланированную «генштабом» первого этажа. Видимо, это военная хитрость, смекнул Николай Иванович (напомню без иронии: русский человек смекалист). Подтянул трусы, засучил рукава майки:

– Кто там?

– Это я, Никифоровна... – и далее по плану запричитала старушка-злодейка.

Николай Иванович открывает одной рукой дверь, а другой (правой толчковой) насаживает неэмалированное ведро из-под помоев на голову первого атакующего.

Первым был Игнат Григорьевич, а как же – «впереди на лихом коне...»

Ведро пришлось впору, ну тесновато немного, не снять, а так впору.

Вторым изловчился подскочить Юрок. Шустрый парень. Рванулся к двери. Можно сказать, почти успел. Дверь – трах! Закрылась, что называется, перед самым носом. Из-за такой молниеносности родилась проблема. Прищемило дверью этой окаянной чуб рыжий Юрка. Возвращенный любовью не за один месяц, да не от нечего делать – с целью, со святой, если задуматься, целью. Покорить сердце Нинки Трусовой, бывшей одноклассницы и давней зазнобы, преуспевающей ныне на бескрайних полях розничной торговли.

У Юрка больших шансов и возможностей не было. Хотя и шустер был, да как-то сероват. Не выделялся положительно умом там иль силой какой особенной. Сероват. Думал-думал и решил обратиться к «специалисту». А кто «специалист»? Парикмахер Сигизмунд Валерья-

нович. Был трижды женат, четырежды разведен и сейчас, в свои шестьдесят пять, гулял направо, как молодой гусак, от процедур этих отдышаться пытаюсь.

После изучения проблемы «специалист» постановил, что берется за это «дохлое» дело исключительно из-за профессиональных амбиций. Если выгорит, то из «специалистов» повысят его в «профессора». Кто? Понятно, кто: молва народная.

Первым шагом в изменении имиджа – постоянно снующего, невидного, непривлекательного – во что-то более обстоятельно-достойное, в «фигуру», было отращивание чуба с последующим превращением его в кок. И вот те – трах! – прищемили. Пытались, ничего не скажешь, пытались. И по волосинке вытягивать, и дверь чем-то оттопырить, и Николай Ивановича умолить. Леонид и Степан Израилевич даже предложили масла подсолнечного для склизкости налить – вдруг удастся. Полный провал. Откромсали ножницами аж под корень чуб выстрадаанный. Пошли решать проблему с Игнат Григорьевичем. Потому как он чего-то с ведром все бегал, стучался, да пока с чубом занимались, не углядели. Осел он у стеночки. Сидит, не шевелится.

Урок же вышел из «операции» с душевной травмой. Кисло вышел, с потенцией не вернуться, отбиться от коллектива. Плюнуть на все. Душевная травма порой сильнее физической воздействует на сплоченность группы, не говоря уж о статусе самого индивидуума.

Вернемся к ведру, точнее, к Игнату Григорьевичу, еще точнее, к их «сиаму». Леонид и Степан Израилевич дали дельное предложение. Перевернуть Игната Григорьевича вниз головой, то есть вниз ведром. Залить в щель между ведром и головой подсолнечного масла. Голова не то что чуб, должна высклизнуть. Стоит Игнат Григорьевич на голове, правильнее, конечно, на ведре стоит, ножищами пируэтит. Ребята стараются вовсю, масло подливают и одновременно выдергивают Игнат Григорьевича из ведра этого поганого, неэмалированного. Разделяются тяжело, со скрежетом, как ракетоноситель с кораблем, но вдруг разом – бах! – Игнат Григорьевич с Леонидом полетели в одну сторону, ведро со Степаном Израилевичем отважным – в другую. Победа. Какая-никакая, но победа. Второй этаж не завоевали, чуб Юрка потеряли, а вот от ведра спасли командующего своего. Победа! Надо отпраздновать. Положено.

Сам инициатор и руководитель «военной хитрости» от дальнейшего участия в мероприятии отказался. Ведро «помойно-неэмалированное», подсолнечное масло и общая физически-психологическая травма голову деформировали и привели ее носителя в объятия жены. Та от резкого духа проснулась, да и давай выкручиваться.

– Эх, едреня-феня! – вслух подумал Игнат Григорьевич и навалился на не разделяющую его парфюмерное виденье мира подругу жизни. Куда деваться? Сдалась-отдалась, учуяв, кроме «парфюм-букета», еще какую-то «сильную сторону» супруга.

Чего скрывать? Не будем мямлить, делая вид. Обладал он мужским «шармом», и достаточно большим, чтобы затушевать проблемку с запахом.

Леонид, Степан Израилевич и Никифоровна неожиданно оказались духовной опорой этажа. Достойно завершить операцию, поставить знак препинания бывает важнее самого начала.

Пили тихо, мирно, порядок звуками не рушили. Тост главный в конце прозвучал, затем сдвинули молча стаканы, выпили и разошлись спать, веря. Тост-то не тост – крик души:

– Мы им еще покажем...

Пояснений не было, так что из приличного вариации от «кто хозяин в доме» до «кузькина мать» вполне могли иметь место.

Ночь. Тишина. Темнота кажется беспросветной, но вдруг неизвестно откуда прорываются отдельные сумасшедшие всполохи света. Предвестники-буревестники? Иль привиделось от большого желанья? Ничего не понять – «то ли муть, то ли жуть».

Утро

Человек – великий мечтатель. Люськина мечта – значок-звездочка с портретом белокурого мальчика. Три месяца копила копейки да двушки. И вот есть сто – значит, рубль. Холод, ветер, темно, но мечта куда сильнее. Пошла за четыре квартала в «Канцтовары», где давным-давно приглядела-присмотрела. Вывалила на стекло прилавочное перед продавщицей свой капитал. Отсчитывать-пересчитывать принялась. И так и сяк, и наоборот, и наискосок: как ни считай – девяносто девять. Точка. Нет ста. Нет рубля. Нет значка. Продавщица вредящая – жалится и не мыслит. Рубль ей подавай. «Своя правда» глаз стекляннит равнодушием, хоть лопни, хоть тресни...

Забрала обратно капитал девяносто девятикопеечный. Домой расстроено поплелась. Дальше мечтать о значке с мальчиком, о равенстве, братстве и об одной денежке, отдалившей ее от великой мечты.

– Ку-ка-ре-ку! Ку-ку-ку! Петухову-петуху! – орали во все горло Козловы, Барановы, Воробьевы и прочая мелюзга.

Как-то случилось, что в нашем классе благородных и знаменитых фамилий не водилось. Был один Разин. Потомок? Или из одной деревни? Али в честь?

Была девочка Дроздова. Несчастливая. Не любили ее изначально, с годами – по нарастающей. Еще бы: в пятом или шестом у нее такой нос-носорог за лето образовался, что за фамилией уже его и не спрячешь. Люська ее не любила. Все не любили, и она тоже. Хотя «секретная» информация из классного журнала была давно раскрыта и прилепила на некоторые лбы «ответы на вопросы». Люська значилась в графе «национальность» еврейкой. Так и написано было – еврейка. Позор! Слово-то само какое неприятное и режущее слух. Ходить с ним всю жизнь. Скрывать, не признаваться. Смеяться громче всех, если анекдот вдруг... Не-везуха! Мягко сказано. Полный завал. То ли дело в «б» – все русские. Даже Тутанмахер Саша и Машенька с практически не выговариваемой фамилией Гугельбрехманберг.

Люська, подождав, когда закончат Петухова «петуховать» и начнут Козлова «козлить», крикнула малорослому шустрому парнишке:

– Не дрейфь, Петух! Ты же не козел, старайся, орлом станешь.

Тот махнул рукой и уже несся со всей скоростью, чтобы успеть на развалившегося «слона» прыгнуть. Не перемена в школе – зоология в зоопарке. Все, отмучили еще один день этой нудящей второй смены. Через темные проходные дворы с двумя подружками бегом по скользкой слякоти (составляющие: вода, снег, лед, соль). Главное – не грохнуться.

– Пока, Наташка!

– Пока, Верка!

Последний двор и темную подворотню сама не заметила, как проскочила, вылетела на улицу – и спокойной походкой солидной ученицы-отличницы к своему двору. А там! Что там? Гам-гара-рам – вот что там. Горка деревянная возле бомбоубежища облеплена мальчишками-девчонками. Функционирует в режиме «нагрузка плюс».

– Хоть разок, – загорелись Люськины глаза. – Хоть маленький... В форме?! С новым портфелем?! Будут правы родители. Ой, как хочется, но сначала домой.

Темная парадная. Темная лестница. Семь этажей без лифта. Хотя бы одна лампочка! Вместо этого темнота. Страхов сколько хочешь. Кошка проскочила или?..

Сердце ухнуло. Замерло. Ухнуло. Замерло. Третий, четвертый, на площадке пятого всегда вспоминается немудреный рассказик про кровавую руку, которая из-под пола хватает, хватает... Шестой, окно открыто. Гудит ветер. Наконец, седьмой – и к двери. Главное – на пролет к чердаку не смотреть.

Там «черная дыра» и запах космоса.

Ключ! Спокойно! Ключ. Фу ты! Не отдышаться.

Дверь открыла, проскользнула, захлопнула. Коридор тоже темный. Задача – дотянуться до выключателя, а то в прошлом году вышла из комнаты в темный коридор и наступила случайно... на дядю Витю, тетя Лидинога ухажера приходящего. Он лежал на полу как мертвецки больной, пьяный или разочарованный. Все знают, что в армии ему крышка танкового люка по голове грохнула. Если в плюс к этому выпьет, разочаровывается и из неприятно-загадочного перевоплощается в опасно-злодейского. Свет включен. Квартира пустая, все на работе. Ленка на секции. Садиться делать уроки на завтра? И не подумаю, плевать хотела. Устала, надоело. А на горке? Что творится на горке?! Портфель новый полетел под кровать. Кусок черного хлеба с докторской колбасой. Вкуснятина! Жевать некогда. Глодается и застревает, скребя тяжелым комом желудок. Одновременно форма снята, на вешалку и на гвоздик. С этим строго, до скандала. Валенки, старая шубка, шапка, рукавички. Вперед! Семь этажей темной лестницы на скорости свободного падения. Горку штурмом. Вниз на корточках. Еще и еще. Пошли вариации. На ногах. Вдвоем с подружкой. Вчетвером, паровозиком. Все свалились, куча мала. Щеки красные, горят. Глаза тоже. Нос сопливый.

Бесконечно темное небо и звезды. Луна, та вообще «наша», по-свойски фонарем подрабатывает... Радость и веселье переполняют.

Во здорово!

Пасмурное небо. То есть обычное небо. Какое есть, такое и небо. В других местах другое. У нас пасмурное. Не нравится – поезжай туда...

Опять вторая смена. С утра полюбуйся пасмурным небом, после занятий – морозящим в темноту дождиком. А у меня настроение от этого не зависит, почти. Люблю любую погоду. Просто, когда изо дня в день, разнообразия не хватает. Создается обманчиво-торпедующее чувство, что всегда так было и всегда так будет. Всю жизнь. Мол, жизнь такая, морозяще-облачная. Не нравится – поезжай туда, пока не знаю куда. А мне не надо. Родину люблю. Какая есть, такую и люблю.

Любовь к Родине состыковалась в голове с какой-то информацией и мощно катапультировала меня из теплой кровати в сторону телевизора. Чуть... Да как это получилось? Сегодня же сам Первый Секретарь выступает со съездовским докладом, а я про погоду, дурочка... Уже идет.

Музыка – фанфары. Музыка, назначающая человека в герои. В герои труда или войны. В герои идеи. Музыка подняла и поставила напротив телевизора. И когда были сказаны слова. Много, много слов, сколоченных кем-то в молотообразные жесткие предложения, мощно вбивающие в голову через уши и глаза идеи равенства, братства, любви к Родине, партии. Ко всему нашему бывшему и будущему... В горле образовался ком, состоящий из гордости, чувства причастности, полной готовности идти вместе со всеми вперед к победе – полной и окончательной. Подними руку над головой, согнув в локте, как те школьники в галстуках, выбранные «для телевизора». Смирно! Слезы немного накапываются. Состав тот же, что и у кома.

Глаза участвуют, и еще как. Весь видеоряд спроецировали и передали на командный пункт. В чувства, память, эмоции. Физиологический процесс «реет на рейде», только равняться успевай.

День День, давно минувший

Утро начиналось, не предвещая, хотя кто его знает, каждое утро предвещает. Оно и понятно, день не утро – будущее. Как эти шарики в лотерее – за секунду «до» не угадаешь. Вот именно в этот день непредсказуемый с Николаем Ивановичем и случилось. Плохое, хорошее – не нам судить, есть инстанции – определяют.

Поначалу все шло обычно, даже скучновато, с кажущейся предсказуемостью и рутинной. В курилке дымили – кто «Беломором», кто «Севером», известно, не новость. Анекдоты травил: про армян (стигма есть: мужики мужиков любят), про грузин, очень классно получалось, если в акцент попал, про русских – те герои, весь мир перепили и ни в одном глазу. Главный гвоздь отрицательный в программе – евреи. Картавят, с акцентом плюс жадные, хитрые и трусливые. Смейся хоть до вечера. Вот и смеялись. Николай Иванович аж до хохота, с коликами и слезами, когда Серёга Бурмисторов «про жидов» травил. Нет, Николай Иванович не был антисемитом, так, слегка недолюбливал. За что? За все вместе. Дифференцировать смысла нет. По жизни интегрировалось – другие, чужаки, а лезут. Умнее всех себя выставляют. Носатые, неприятные, чернявые или рыжие. Почти у каждого дефект какой-то есть. Кто на цыпочках ходит, подпрыгивает, у кого фигура как мешок или нос приплюснутый, а сверху очки с «линзами от телескопа» или вот – «голова квадратная». До завтра перечислять можно, да некогда.

Вечером Николай Иванович на свидание нацеливался. В семь часов возле памятника Крылову-баснописцу.

Пришел минут за десять, отглаженный-отутюженный, привлекательный, в рубашке белой, шляпа с заломом. Ближе подойдешь – красавец, но ближе нельзя: одеколон «Цветочный» не подпускает. Полфлакона распределил во все места плюс глоточек. Чувство воспылали, вот и не пожалел. Мог и целый выплеснуть, да на другой раз рассчитывал. Еще бы – со славной девушкой познакомился. Ее так и звали – Слава. Странно немного: как бы мужское имя в основном, но красиво, с изюминкой. А вот и она показалась в светлом, почти белом платье. Легкая, загорелая, фигурка девичья. Ближе подошла. Николай Иванович в глаза ей посмотрел, чуть не утонул в глубине серо-голубой. Разговор зацепился. За словом словечко – и заструился ручейками, из любви и молодости приистекающими. Так вечер и пролетел, подтверждая: счастливые часов...

Расстались в Славиной парадной. Она села в лифт, нажала кнопку пятого этажа и, помавав напоследок, улетела вверх светлым ангелом.

Парадная старинного дома светлая и чистая. На стене – доска для информации. На доске – список жильцов с отметками о каких-то выплатах и дежурствах. Пятый этаж представлен двумя квартирами во главе двух очень ответственных квартиросъемщиков. Один Шацкий Шмуэль, другой доктор Партинзон. Все уплачено, все отдежурено. Все в порядке?

Николай Иванович выскочил на улицу озадаченный, варианты перебирая. Как ни положи, как ни посмотри – все не то получается. С одной стороны, «любовь нагрнула внезапно». С другой, Шмулик с этим доктором – как его? – Партинзоном. Что делать, самому Богу известно. Хотя, постой, и «наместники» на Земле ведать могут. Поехал к отцу, Ивану Степановичу. Иван Степанович сына любил, чем мог, помогал: то деньгами, то советом, а то и знакомством невредным. В данной «неразрешимой» ситуации оказалось все до трагизма просто. Мать Коленьки умерла через месяц после родов. Отец много о ней не рассказывал. Говорил только: «Молодой была, красивой красотой необычной». Плакал и показывал две фотографии смеющейся девчонки с короткой стрижкой... Выслушав же сына, Иван Степанович почему-то ухмыльнулся и сказал:

– Судьба кренделя выкручивает. Твоя мать Женя тоже еврейкой была. Так что ты по одним законам русский, по другим – настоящий еврей. Можешь гордиться. Чем захочешь, тем и гордись.

Насчет гордости Николай удивился. Чем гордиться? Позорным пятном в биографии?

Ночь. Сон. Загадки сплошные в голове ворочаются. Проснулся утром – другой, со своей маленькой большой тайной.

Встречи-свидания со Славой продолжались. Говорили обо всем, что волновало. Жизненные коллизии, книги, фильмы, спектакли обсуждались весело и критически. У Славы склад ума и, если хотите, подход к жизни требовали постоянно подмечать и подхихикивать. Над чем? Было, и еще как было. Так что Николай только успевал улавливать ее быструю изощренную мысль.

Любовь-привязанность разгоралась, превращаясь в любовь-страсть и заполняя все существо Николая одним желанием – быть вместе. Поехал знакомиться с родителями. А кто родители? Шацкие. Шмуэль и Ева. Квартира отдельная, обставленная старинной мебелью. Все чисто, солидно и загадочно. Не квартира – филиал музея. Шацкий – адвокат и коллекционер художественных ценностей. Нет, не все гладко: «свое отсидел», помучился, ну а сейчас в порядке – практика известная, связи. Супруга – красавица-умница. Дочь? Нет слов, какая дочь. И вот на все это благополучие сваливается Николай Иванович со своим «одеколоном», рабочей закалкой и непонятным происхождением. Достаток вообще молчит от скромности. Не с ходу, со временем, удалось Николаю показать свою плюсы, а на заключительный этап был приглашен сам Иван Степаныч. Приехал в костюмной тройке, с золотыми часами и орденом Красной звезды. После чаепития из трофейного (мейсенского) сервиза заперлись Шмуэль с Иваном в кабинете да все и обговорили-порешили, быть тому – точка.

Свадьба. Новая жизнь в небольшой комнате двухэтажного дома. Жизнь непростая, со страстями, изменами и прощениями, но главное – с любовью, страстно-летающей и вполне осязаемой.

Больница им. Среднего уха

Весна, опасно-раскованная, внедряясь в кровь, кричала: «Можно всё!»

Надоел холод, замкнутость, темнота. Хочется свободы, веселья и света. Солнца хочется. В музыкальном сопровождении весенних звуков приходит любовь с легкостью надежд и одежд одновременно.

А Ленка... Что Ленка? На трудовой вахте в «среднющей» больнице имени Среднего уха. Дежурство с шести до шести. Хирургическое отделение. Ответственная рутина. Выходной. Пока все спокойно, пристроилась за столом почитать к экзаменам «про конечности». Но весна! А Ленка – молодая и жаждущая любви, жизни, всего-всего. Поэтому нельзя контриться на конечностях или даже на внутренних органах. Короче, в столе еще одна книга «про...». Нет, нет, не подумайте. Верхняя – не для вида, просто, когда глаза начинают слипаться, а в голове «прыгают косточки стопы», только тогда открывается ящик с книгой «про...». Душа, молодость, чувства погружаются в эту драматическую историю драматической любви. В ответственный, тяжелый, решающий момент слезы подступают, а иногда их не удержать, и они капают, почему-то не на «драму», а на «кости», оставляя загадочно-непонятные следы.

Больничную жизнь не остановишь ни выходными, ни праздниками. Люди лечатся, выздоравливают или, наоборот, умирают, невзирая на суточно-календарное состояние. Живут в больнице с большим желанием и понятной жадой.

Во! Грузин. С раннего утра катает ходунок по коридору туда-сюда-обратно, туда-сюда-обратно. Проходя мимо медсестры, из сутулого и пожилого превращается в горного козла тире

орла среднего полета с очень гордой осанкой и амбициями выше горы Казбек на целых двадцать сантиметров.

– Лена, Лэночка, цветок гор. Приходи на рынок, увидишь, кто такой Гоги, сразу влюбишься. – Рукой изобразил чечеточку, душой пропел: – Где мои семнадцать лет...

Действительно, на рынке Гоги был фигурой, если и не великой, то очень-очень значимой. Через него шло практически все. В связи с этим сложилась ситуация, подложившая под Гогу для начала «банановую кожуру». Хлоп! И вот он пациент ортопедии-хирургии. Радуйся, спасибо скажи, могли и порешить с последующими венками, речами, слезами горя и радости. В конце концов, с оркестром и почестями. Повезло. Голеностоп подлечит и вернется к исполнению своих прямых и очень запутанных обязанностей. Выведет на суперчистую рыночную воду любителей «банановой кожуры». И тогда посмотрим, кто кого.

Только Лэночка переключилась с «костей» на «драму», шум-тара-рам в конце коридора произошел. Двое молодых с легкими переломами, полученными в бою с «плохими», расположили вполне законно табуреточку напротив закрытого по выходным буфета. Разложили газетку с закуской типа классик: килька пряного посола и два яйца вкрутую. К рóзливу хотели приступить, тут дефект Касатон (язва нелеченая с отягощающими психику последствиями) приставать начал, шуметь:

– Вы на каком основании?! По какому праву закуску на лицо главного партийно-государственного деятеля шмякнули?! Килькой на ордена-медали капать?! В психушку! Без суда и следствия! Диагноз на лице... налицо, – слегка запнулся, но выправился язвоблюстителем.

Парни быстро сообразили, ведь они в основном по «мордам», а тут же «лицо» инкриминируют. Запереть могут по политике, а они лояльны, даже в запое с обостренным похмельным синдромом лояльны. Свои они.

Перевернули быстренько газетку, разложили закусок на огромном носу израильского империалиста захватчика. Политически грамотно расположили. Яичко одно на носу не удержалось, скатилось и накололось на магендавид ихний звездный.

Дефект Касатон остался довольным. Хлопнул махом казацким пятьдесят граммов поднесенных, язву нелеченую простерилизовал, хоть доктор-врач Шнирман и предупреждал в категорических формах. Не верил ему Касатон, не доверял. Кто их знает, всякие случаи бывали. Не мог он целиком, вместе со своим здоровьем, и так трухлявым, шнирманам доверяться.

Инцидент самоутихомирился. Лэночка обошла палаты, успокоила, проверила. Опять в книги окунулась, но куда там – Малаховна примчалась. Руками красными машет, громким шепотом отделение сотрясает:

– Во второй нише третьего тупикового прохода Быков Быкову бычит!

Лэночка растерялась, потом собралась, хотела было сказать, но опять растерялась. Спросила невпопад:

– А что они однофамильцы?

Малаховна-санитарка екнула, возмущенная непониманием:

– Да какие, едрень фень, однофамильцы? Жена Быкова навестить пришла, как и положено, с фруктами и курочкой. Поели. Он ее будто бы на экскурсию по отделению повел, да то ли не устояли, как в третий тупиковый попали, то ли заранее план запланировали. Теперь реализуют, стараются.

Лэночка опять невпопад:

– Так что, раз муж и жена?

– Да как «что»?! – возопила возмущенно-обескураженно санитарка второй категории. – В общественном месте!

Тут Лэночка неожиданно проявила:

– Временно, до окончания «отношений», третий тупиковый не считать общественным местом. Вход в проход закрыть!

Малаховна под козырек и организовала преграждающую ленточку с табличкой: «Проход до окончания племенных работ закрыт».

Табличка собрала народ, который живо обсуждал и комментировал. Звуки, доносившиеся из второй ниши, создавали и расцветывали версии-сплетни для предстоящего полета по миру.

Народ пришлось растолкать по палатам. Через некоторое время счастливая Быкова толкала перед собой кресло-каталку со счастливым Быковым. Нога гипсовая параллельно полу, как нож ледокола, разрезала завистливые взгляды, продвигая корабль счастья.

Ленка аж залюбовалась, прослезилась, завздохала. Какой там роман «про...», вот она тут, любовь на местах. Живи, смотри, участвуй!

Огромный залитый светом город догуливал воскресенье весны. С хорошим настроением, а местами и просто весело, с музыкой, и чего греха таить, да и не грех это – традиция народная – по праздникам. Воскресенье – праздник. Других поводов и не надо.

Больница имени Среднего уха не была исключением, не позорила белым пятном, не кружила белой вороной. Кто хотел и здоровье позволяло – выпивал с соратниками по лечению, «плотил ряды», раны залечивая.

Ленкин выходной-рабочий день подходил к концу. Мысли побежали-поскакали от рабочих проблем к домашним. И тут... «Тут», как всегда, оказался на месте. На этот раз «он» подкатил к больнице милицейскую машину. Событие само по себе «радостное», особенно для любопытных, тех, с прищемленным носом. Из машины вывели под ручки молодого человека. Лицо побитое и хромает на левую, нет, на правую или на обе ноги – не понять. Красота специфическая, для эстетов. Первая мысль: один из тех, фотографии которых милицейские головы пролистывают с утра до ночи. Ночью во сне видятся участники погонь, перестрелок, ограблений и засад. Сами представьте, что может сниться лихим блюстителям?

Ну не девчонки же, в конце концов. Ясно: злодеи.

Доставленного несчастного «злодея» препроводили прямехонько в приемный кабинет. Лена приступила к осмотру и оформлению больничного бланка вновь поступившего. Проводить прием должен дежурный врач, но его нет, то есть он был, но в данный исторический момент времени не мог. «Они» с утра праздновали воскресенье, а сейчас отдыхали послеполюденно. Сиеста.

Проснется, подпишет бланк, не глядя ни одним глазом, и начнет процесс восстановления и приведения организма к возможности передать смену. (Тут важно предотвратить «унюхивание» с последующим расползанием слухов.) Пока же сиестит, храпя и пукая, в хозяйственной пристройке.

Леночка закончила осмотр и оформление. Настала очередь милиции. «Милиция» порешила:

– Оставляем вам для оказания медицинской помощи пострадавшего и свидетеля в количестве одного лица. Напоминаем, что результат первичного осмотра будет фигурировать в суде, если поймаем.

– Пока!

Под козырек – и газу.

Обмытый, продезинфицированный составами различных цветов, в белоснежных бинтах, успокоенный семью каплями на ложку воды, пострадавший свидетель был до появления специалиста-рентгенолога определен в коридор возле туалета.

Все. Последний обход, мельком в зеркало – и сдавать смену, но... На этот раз вмешалось «но». Безобразия. Этот «великий русский» жить не дает своими закавыками, в плавное течение встречаю. Но около кровати возлутуалетного больного Леночка приостановилась, пытаясь удостовериться, «о'кей» зафиксировать. Пациент застонал. Леночка – «по тормозам», отжала «сцепление».

– Что?

– Доктор, болит. Сворачивается и разворачивается. Тянет, ноет и кричит.

– Что?

– Опустошается и теряет веру.

– Могу посодействовать: в психо-нервное перекатить, там веселее. Если на душу жалобы.

– Что вы, доктор! Коленка правая (или левая) так болит – аж не понять какая. Помогите.

Главный начальник в милиции направлял: везите, мол, в «Среднее ухо», там Елена Николаевна сегодня дежурит, серьезный специалист – поможет. Спасет свидетеля-пострадавшего для нужд правосудия.

Леночка немного удивилась, посмотрела в глаза страждущего. Страдания нет. Смеха нет. На самом дне две искорки светятся, загадку пряча.

– Напомните, пожалуйста, больной, как вас зовут?

– Евгений.

– Женя, понимаете, первая помощь вам оказана. Дальше лечение, рентген, анализы. Я сейчас смену сдавать буду. Завтра утром обход. После обхода подойду, поговорим, выплесните боль души и коленки, если захотите. Отдыхайте. Туалет рядом.

– Доктор! Дело не в удобствах. Не дотяну до утра. Подарите пять минут на выплеснуть! А? Начальник в милиции говорил: Елена Николаевна не только специалист, но большой души...

– Хватит, больной Евгений, про начальника идиотничать. Плещите свой недуг пятиминутный!

– Все нормально, хорошо и классно. Отработал, отучился. Конец недели. Иду в баню попариться. Обращаю внимание. Знаете, всю жизнь с детства: «Будь внимательным, будь внимательным». Вот, был внимательным, увидел, под аркой лежит инвалид. Все как положено: костыли по бокам, ноги-руки в стороны, живот вверх. Стенает. Помощь требует. Пройти мимо? Сделать вид? Никто и не узнает. Самому себе всегда можно найти оправдание-резон. В детском саду, в школе, по радио-телевизору, в кино, в театре (да где только нет) учили: не проходи мимо! Закрой кран. Переведи бабушку. Вызови... а при необходимости сам потуши новым пальто, купленным в рассрочку на полгода. Выбей нож и заломи руки за спину трем бандюкам, сорвавшимся с зоны. Делай искусственное дыхание рот в рот, одновременно массируя в области сердца. Спасай страну! Пока приедут – сгорит, зарежут, коньки отбросят, в тапочках останутся. Приехали поздно не потому что... а потому, что выполняли более ответственное, важное и в трех местах сразу.

Нервные мысли-отступления – это все было потом. В сам момент истины подскочил, как увидел, и приступил к подъему тела. Тяжелый инвалид был и безынициативный. Я его вверх к стеночке приставить – он себя вниз в лужу пригретую. Я его на костыли водрузить – он руки в стороны и мычит. Не справился, не потушил, не заломал, не откачал. Инвалид как лежал, так и лежит, только стонет громче, с вариациями. То ли на стон, то ли по умыслу подбежал габаритный парень-хулиган. К инвалиду присел: «Батя! Батя! Что с тобой?!» Впервые за минуты общения услышал членораздельное: «Водка в руке была. Вот этот забрал».

Я не смог с ходу понять-осознать. Первое, что не понял: как это водка в руке может быть? Она же жидкая. Второе. С таким наглым враньем еще не приходилось в жизни сталкиваться. В самых простеньких новогодних постановках какой-нибудь персонаж из плохишей наврет, а дети кричат из зала: «Неправда! Не ходи туда, ходи сюда!»

Это, помню, бывало. Но так, живьем, в заправдашной жизни – ни разу. И вот тебе – получи!

Сын-хулиган ко мне: «На батю? На инвалида?! Гони на водку!»

Было у меня двадцать копеек на баню – отдал. Пытался объяснить, но набежала целая кодла гвардейцев – и вот я у вас с ранениями тела и души. Начальник милиции считает, что

хорошо отделался, что они вовремя. Не уверен, что после события – это вовремя, но спорить не с кем. Да и зачем?

Леночка по ходу рассказа внимательно смотрела на пострадавшего Женю. Рассмотрела молодого парня. Заглянула в его внутренний мир без рентгенолога. И показался он ей интересным и положительным. Понравился. А если вспомнить, что доктор Елена Николаевна – никакой и не доктор, а практикантка медицинского училища, и лет ей семнадцать – девчонка, то можно предположить... Не все сразу, не с бухты под названием барахты. Годи-погоди. Для начала предположить.

День рождения

Приглашенные собрались и болтали, гуляя по драгоценным жилым метрам. Между общей кухней и прихожей, заглядывая в комнаты. Двери распахнулись специально для них, посетителей музея «Коммунальная квартира». Быт истории и история быта. Вещицы, застрявшие с середины века, а несколько экземпляров – чуть ли не с конца прошлого. Пережили-переплыли время. Значит, имели ценность. Потеряли материальную, нажили духовную. С ними память могла путешествовать, вспоминая маленькие подробности и большие события. Что-то личное-личное или, наоборот, всеобщее-всенародное. Вовка Петухов, углядев на стене Люськиной комнаты коллекцию значков, рассматривал их, будто листая школьные годы.

Вот первый значок: маленькая звездочка с белокурым мальчиком в середине. Мальчик постепенно рос и менялся. Гимназист в углублении круглого золотистого значка, молодой человек на фоне красного знамени. Взрослый с бородкой и взглядом, устремленным в будущее человечества. Можно предположить, в светлое-светлое – настолько взгляд целеустремлен и выразителен.

Розенблум, Люськин одноклассник, поражен, удивлен и растерян. Еще бы! Да как это?! Да кто мог подумать! Да и вообще, чего вдруг?! На небольшом простеночке возле Люськиного письменного стола приколоты несколько фотографий, вырезанных из газет и журналов. И что мы видим? Цветная вырезка: Пеле в обнимку с Яшиным и футбольным мячом. Фото из спортивной газеты: табло на стадионе. На табло 4:0 и фамилия автора этих голов: Бышовец, Бышовец, Бышовец, Бышовец. Братья Чарльтон и динамичный момент игры. Прыжок века: Боб Бимон в полете. Сашка со своими уже ранее выплеснутыми эмоциями пытается осмыслить, как получилось, что именно эти же фотографии украшают и его стенку возле письменного стола.

Кстати, о столах. Целых три, слегка разновысоких, но покрытых одной длинной скатертью, красовались в коридоре, неся на себе ответственный груз: закуски, напитки, сервировку.

– К столу! – выкрикнул Николай Иванович несколько резковато, как будто «К барьеру!».

Нервничал, празднично-счастливый: две дочки, каждой по восемнадцать исполнилось, конечно, счастье. И сейчас, и впереди, дай бог. Понятно, немного «треугольно» – две матери, один отец. Да, в один день, но завсегда на послевоенные времена скинуть не зазорно. Объективно. Он не любил эти взгляды с «ухошептанием» – разъяснением, терпеть не мог. Поэтому в основном молодежь, давно посвященная в «коммунальные тайны».

Присели к столу ломящемуся. От чего? Первое, второе и третье место – салат оливье, праздник сам по себе. Залит майонезом и присыпан натертым яйцом. Укроп выгравировал с двух сторон «Восемнадцать!». Винегрет скромнее, хоть и бордов, но его же с селедочкой можно, а кому не запрещено – под холодненькую из запотевшей под тост чокнуться. Любой ограничитель притихнет, медицинский или партийный деятель какого хочешь ранга сам не откажется, наоборот, пояснит: на пользу здоровью, да и традиции.

Два этих достойных блюда окружали закуски. Тоже подразумевали и задорили. Холодец индевел в глубоких тарелках, призывал: порежь треугольничками да хрен багряный сверху с присолом разложи.

Скажу честно: для каждой души своя кухня гожа. Француз, к примеру, оливье-винегрет потянет, коснется щей кислых под рюмку водочки – не поймет, счастья не осознает. Русский же вообще не поверит, своим же глазам не поверит, увидев восточных мужиков. Над мясом колдуют. Всякими разносолами сервируют низкий стол. Без бутылки?! Ради чего вся суета? Единственный вариант – заныкали бутылочку, запрятали. Ан нет! Бутылка эта с восточной душой (в оригинале) не стыкуется – вот и нету.

Отвлеклись, вернемся к столу нашему. Было на нем еще два блюда не совсем русских, точнее, совсем «не», прилепившиеся с годами, как и народ, их родивший. Форшмак и фаршированная рыба – гефилте фиш. Это закуски. А чем праздновать? Водка «Столичная» для серьезных людей. Для дам и молодежи портвейн №33. Строго, но достойно. Красивый стол, зовущий. Народ как красоту эту увидел, так быстренько с шутками и смехом расположился на стульях, табуретах и досках, обернутых и положенных на эти табуреты. Плотненько, но всем места хватило. Пока разливают, яства по тарелочкам раскладывают, обратим внимание на дислокацию личного состава: кто где сидит – в переводе с армейского. Во главе стола Николай Иванович. Налил водочки, лоб сморщил – тост готовит. По правую руку Бронислава Борисовна – законная. По левую – Мария Ивановна, нареченная. Люська и Ленка возглавляют стол с противоположного конца. Рядом с родителями сидят друзья и родственники. Рядом с чувствемыми молодежь шумит весело. Возле Люськи Вовка Петух притиснулся. Розенблюм перед ней напротив – глазами съестъ хочет. Около Леночки – Женька приглашенный, сидит тихо, стесняется. Катя и Таня – подружки, напротив Пушкаря и Вени глаз строят, к выбору готовясь.

Николай Иванович встал. Рюмка, поднятая в правой руке. Согнутыми в кулак пальцами левой в стол уперся. Прямо вождь пролетарский перед народными массами. Рюмку не заметишь – подумаешь, сейчас выкрикивать начнет. Кто-то постучал ножом по фужеру:

– Внимание!

– Радостное событие сегодня у нас! Две мои доченьки, умницы-красавицы, во взрослую жизнь полноправно шагнули. Скажу честно: не просто это – ответственно. Дает им Советская власть возможность выучиться, профессию получить, по дорогам своим достойно идти. Все верно, да не все. Есть еще удача, счастье и судьба. Вот помогут они, – может, и получится «не серо», какие другие цвета жизнь разукрасят. За это и пьем. За девчонок! За удачу их и счастье, судьбой означенные!

Чокнулись, выпили, закуски в ход пошли. На этом официальная часть закончилась. Тосты, конечно, были и от старшего поколения, и от друзей-товарищей, но как-то без «Советской власти» и «ответственно» обошлось. Весело закрутилась пластинка на проигрывателе. Заплясал, затанцевал народ в дружном порыве. Места мало – так веселее! Петух к Люське прилип и нашептывает, и нашептывает. Сашка Розенблюм закип, глазами вращает, ушами хлопает, тоску тоскует. Катька с Танькой попытались его в круг удалой втащить, да он ни в какую – уперся. Плюнули. И правильно – сразу же были приглашены Пушкарем и Веней. Ленка Женю в стороне шагам правильным обучала. Натанцевались, разгорячились. Расселись чай попить с тортом домашней выпечки, известным пугающим названием «Прощай фигура» и тем, что оторваться от него ну только под наркозом можно. И вот в этот момент счастья Сашка Розенблюм вытаскивает из-за занавески гитару – будто бы рояль из кустов. Народ с тортом не разлучить. Но глаза заблестели, и уши приготовились слушать. Сашка на взводе, с ходу ударяя по струнам, запел, как крича и каясь, порвали парус. Еще и еще резанул Высоцким, а потом неожиданно запел-заиграл лирическое и доброе Миши Трегера.

Гости дорогие успели фигуру подпортить, с тортом-чаем покончить. Все внимание Сашке. Как душевное пошло, девчонки разомлели, глаза затуманили, не видать, о чем грустят.

– Кто написал? Кто написал? – зашушукались.

– Да друг мой, Миша Трегер, дайте время – будут залы по первым строчкам подпевать. Талант не закопаешь, цветами сказочными прорастет!

– Ну а ты? Ты-то спой из своего.

– Мое не скоро появится, но появится. Созреет – услышите.

Покуролесили малость, поболтали. По домам пора. Петуху завтра на сборы с утра рано. Попрошался. Ушел. Розенблум остался Николаю Ивановичу помочь, столы-стулья по местам – порядок с мужской стороны навести. Женщин-то в доме четыре, а мужик один, Николай Иванович. Подвыпил к тому ж. Событие такое, уважительно. Сашка к месту оказался – помог. Помог-то, помог, да начал с Люськой выяснять: любишь – не любишь? Вовку или меня? Некорректно повел. Эмоцию свою превыше всего поставил. Люська – молодец, двумя ударами в пах и в челюсть... (Шутка. Пошутил я так неуместно.) Двумя предложениями ситуацию закруглила.

– У тебя песня зреет, а у меня чувство. Придет пора – услышишь.

Ушел бард-футболист, расстроенный и озадаченный одновременно. Возраст, конечно – возраст. Бурлят гормоны и гены вперемешку со всякой химией. Наружу только пар вырывается. Хорошо, что ушел. Всеу свое время. Сегодня время созревания. Плоды вынашивать надо. С любовью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.